

ДК-29

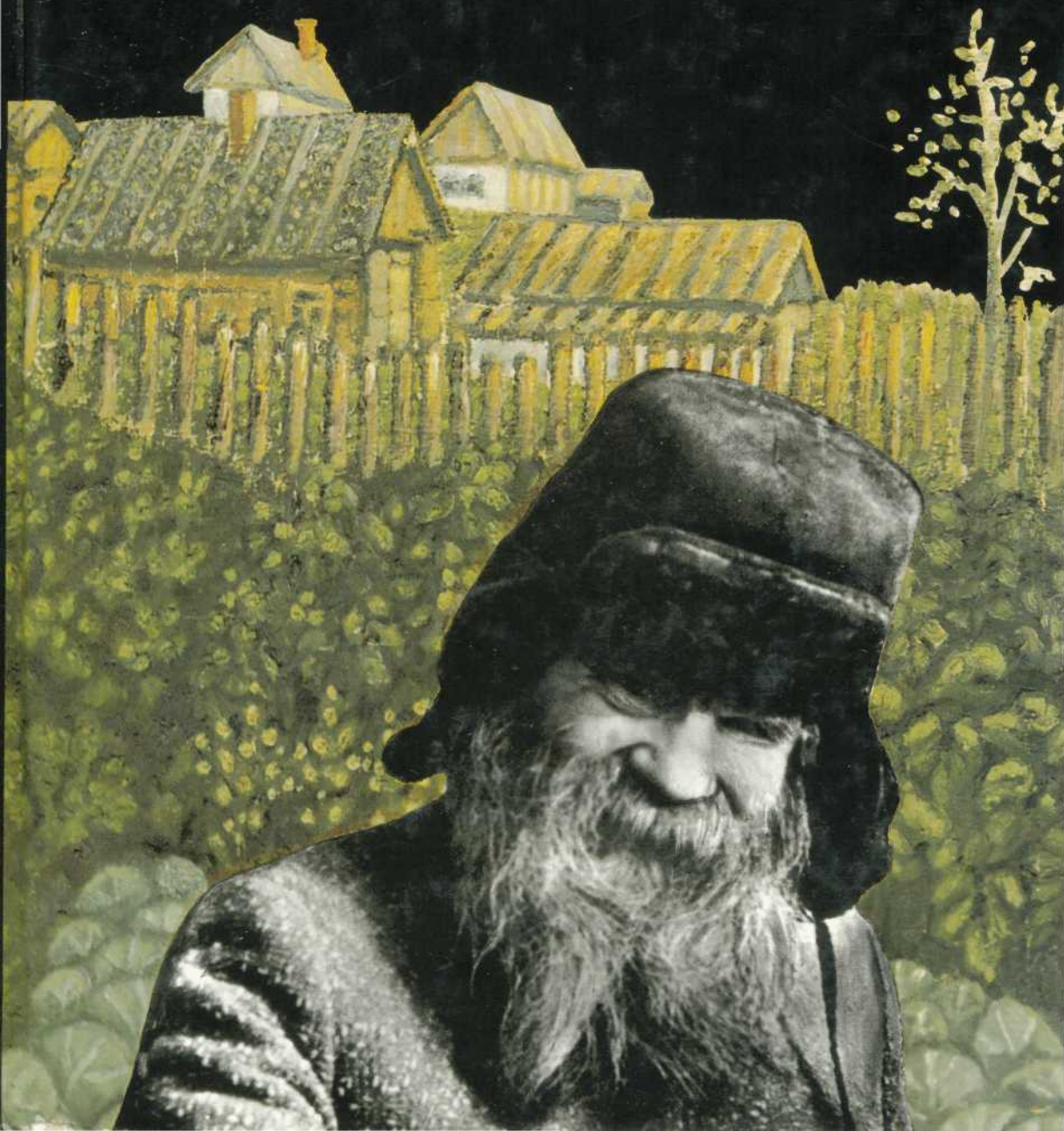
И БЫЛА ЖИЗНЬ...

И. Смирнов

дневники

письма

картины

Нина Катаева

И БЫЛА

Саша Вонук

ДНЕВНИКИ

ПИСЬМА

КАРТИНЫ

ЖИЗНЬ...

Моя
Семья

Содержание

	Вместо вступления	7
Часть первая.	„Учись жить у природы!“	
Глава первая.	Золотые косогоры детства	20
Глава вторая.	Куда приведешь, дорога?	26
Глава третья.	„Вижу тебя такою, какая ты есть. . .“	40
Глава четвертая.	„Не тот художник, который хвалит сам себя. . .“	70
Глава пятая.	„Молодым поколениям. . .“	109
Глава шестая.	Право на самобытность	124
Часть вторая.	Дневники	
Глава первая.	„Воля ты, моя воля!“	172
Глава вторая.	„Думы смутны бродят часто. . .“	206
Глава третья.	„Особы записи“, или Вещие сны художника	248
Глава четвертая.	„Записки из Мертвого дома. Ф.М.Достоевский“, или „Счастье, где ты есть?“	272
Глава пятая.	„Касается всех. . .“	290
Глава шестая.	Письма	302
Глава седьмая.	Сказы, притчи	330
Глава восьмая.	Здравствуй, чудо-человек!	372
	Послесловие	384

Помню, как в детстве я мечтала о том, чтобы в нашем шахтерском городе Белове, не большом и не малом, но для Кузбасса заметном, появилось нечто выдающееся, ради чего люди, не раздумывая, пускались бы в дальние путешествия. И вот годы спустя, находясь в командировке от столичного журнала, сама еду в родной город к самодеятельному художнику Ивану Егоровичу Селиванову.

Это была четвертая наша встреча за последние два года. На этот раз художник встречал меня в новом доме, выстроенном на территории интерната для ветеранов труда в поселке Инском Беловского района Кемеровской области. Дом был построен по типу прокопьевской избышки „на бугре“, в которой Селиванов прожил тридцать четыре года. Престарелые лета, немощь и одиночество заставили-таки с ней расстаться, и через год горестного существования в неуютной комнатухе дома престарелых старый художник ощутил наконец заботу местных руководителей о себе.

Как нельзя более своевременным представляется мне разговор об этом человеке в наше удивительное время „открытий“, удостоверяющих наконец, что земля должна принадлежать крестьянам, что руководитель производства сам лучше спланирует, что и в каком количестве производить, что учитель и врач – профессии особые, и не следует в них пускать всех, не добравших баллы у жизни, что самая главная ценность на свете – неординарная человеческая личность, а процветание государства в конечном счете зависит от того, как оно умеет беречь эту личность и воздавать ей по ее возможностям.

К сожалению, нам пока рано засчитывать очки по последнему пункту – мы озабочены созданием памятника, история появления которого не имеет аналогов. К счастью, самобытный художник из Кузбасса печник Иван Селиванов не будет иметь отношения к этому памятнику. А мог бы. Его педагог из Заочного народного университета искусств (ЗНУИ) в Москве Юрий Григорьевич Аксенов не случайно обмолвился: „Единственное, от чего уберегла его жизнь, это от лагеря. Все остальное – было“. Под „остальным“ подразумевались голод, холод, нищета, одиночество, скитания без работы, несправедливые обвинения. Но, может быть, благодаря именно этой судьбе скитальца художник смог остаться „янтарно чистым“ до последнего вздоха.

Впрочем, по порядку. Впервые встретились мы в городе Прокопьевске, что находится по соседству с Беловом. Тогда я совсем по другому поводу ехала в Кузбасс и перед командировкой посмотрела фильм „Серафим Полубес и другие жители Земли“ – о деревенском художнике-самоучке, так называемом „наивном“ живописце. Внимание зрителей буквально приковали кадры, в которых показывались работы самодеятельных художников. Собака. Корова. Петух. Девочка кормит кур. Кот. Автопортрет.

Картины поражали чистотой изумленного детского взора и зрелостью почерка мастера. Ведь „наивные“ изображают мир не на основе знания построений в пространстве, а опираясь на чутье, природный дар, интуицию. Их „наив“ не в том, что они не подозревают о сложности этого мира и всех его полутонах, а в том, что с удивительной силой запечатлевают красоту и гармонию всего сущего. Это мудрецы, в которых вечно живет детство.

Оказалось, что Селиванов – один из прототипов главного героя фильма. Никто из авторов не побывал у реального Полубеса, но основную его специальность – печник – Серафиму они все-таки подарили. Работами Ивана Егоровича восхищались в Париже, Лондоне, Праге, Берлине, Будапеште, Бонне, Монреале, Нью-Йорке, а на сеансе „Серафима Полубеса“ в центральном кинотеатре Прокопьевска никто не обратил внимания на старичка, которого при-

вели две учительницы. Так состоялась премьера для самого Селиванова. Но об этом я узнала много позднее, а тогда, в Москве, мною овладело неодолимое желание поскорее увидеть автора работ, заснятых в фильме, поговорить с ним.

Вспоминаю, как шла по одному из окраинных уголков Прокопьевска. Справа и слева кружились огороды. Раскинулось картофельное царство. Пахло сентябрьской ботвой и углем – где-то незримо присутствовали шахты. Я петляла по узким проулочкам между изгородями, искала дом, похожий на крепость, – так местные мальчишки охарактеризовали селивановские владения. Когда дом показался, я отметила точность характеристики. В самом деле, стоит на возвышении, высоко огорожен и от соседей как бы отрезан овражком.

Хозяин, прежде чем открыть дверь, сурово спросил: „Документ?!“ Ему было под восемьдесят. Легонький, щупленький старичок с окладистой седой бородой, острыми голубыми глазами. Видавшая виды кепка надвинута на лоб, фартук мастерового почти до полу, на босу ногу надеты короткие сапоги. С виду – не сибиряк. И двор не сибирский – северный. Вокруг высоченные поленицы дров, и все как бы выложено деревом. Наверное, были когда-то такие в архангельской деревушке Васильевское, откуда художник родом. Вернув мне удостоверение, Иван Егорович все еще строго произнес: „Проходи!“ И, как бы извиняясь, добавил, что мальчишки здесь часто „шалят“, вот он и проверяет.

Пронзительность его взгляда узнавалась сразу – словно на вас глянули его картины. А засмеялся – смех легкий, радостный, так смеются дети и очень беззащитные люди. В домишке веяло запустением. С тех пор как умерла Варенька (так называл Селиванов жену), прошло более десяти лет, и он почти переселился из комнаты в кухню. Здесь ел и спал и совсем изредка рисовал.

Детей у Селивановых не было, и Ивана Егоровича мало кто навещал. Кухня была похожа на келью аскета, вот только мастерски сложенная печь выдавала хозяина, некогда домовитого.

Впрочем, в огороде он до последнего времени трудился сам. Заготавливал на зиму овощи и картошку. А чтобы тех же мальчишек разогнать, летом еще и с колотушкой в полночь выходил.

Селиванов показал газетные и журнальные публикации, прекрасно изданные книги с иллюстрациями его работ, золотые медали и значки, почетные призы и дипломы, переписку с художниками и искусствоведами. Один восхищался его творчеством, другой сообщал о новой книге или выставке в Москве, третий писал, что в Югославии вышла „Всемирная энциклопедия „наивного“ искусства“ с его автопортретом. Особое место занимала переписка с преподавателями ЗНУИ. Учился в нем Селиванов почти сорок лет. Дома – ни одной работы. Все отсылал в Москву.

Нечасто жизнь дарит нам такие встречи. Долгая жизнь разнорабочего, не гнушавшегося никаким трудом, – и руки художника. Отсутствие обыкновенной десятилетки – и полная достоинства речь. „Рембрандт – исключительное явление, таких художников, как он, немного в мире. Может быть, человек десять. В отличие от остальных, у них есть выражение действительности“. Откуда все это в крестьянском паренке, едва учившемся грамоте?!

С этого вопроса, заданного самой себе, и началось для меня открытие материка по имени Селиванов. Позднее не раз ловила себя на том, что, постигая образ мысли просвещенного философа, откровения модного писателя или известного художника, думала, что сказал бы по этому поводу Иван Егорович. Не раз бывало так, что, общаясь с людьми близкими или малознакомыми, неожиданно заговаривала о нем, а в качестве неопровержимого аргумента приво-

дила его мнение. Вначале я открывала Селиванова-художника, потом Селиванова-литератора, но все время – Селиванова-человека.

И вот о чем думалось: не стоит опасаться за нравственное здоровье нации, которая знает, чтит и любит своих Селивановых. Как же до обидного мало знаем мы об Иване Егоровиче и сотнях (а может, тысячах?) подобных ему людей, рассеянных по необъятным просторам Отчизны! Пока живы они, живо наше искусство, в какие бы дебри ни заходили новаторы в поисках форм современного языка. Можно быть спокойными: вернутся. Вернутся к Селиванову, если, конечно, будут знать его.

Помню, как искусствовед из Польши, услышав на киновечере в Министерстве культуры РСФСР, что для селивановского наследия все еще не найдено достойное пристанище, изумленно сказала: „Если бы у нас обнаружился такой художник, как ваш Иван Егорович, мы отдали бы ему лучший музей Варшавы!“

И я верю – поляки отдали бы! Достаточно вспомнить, как после войны они подняли из руин свою столицу. . .

Отчего же мы, русские, пестуем в себе безродность?! У создателей этой книги есть надежда: что, если мы в какой-то мере поспособствуем тому, чтобы Музей Ивана Селиванова открылся в Москве?!

К тому времени, когда мне была предложена работа над книгой, посвященной Ивану Селиванову, начался последний этап его жизни – он переехал в дом престарелых. Иван Егорович очень ждал эту книгу, так как „любому человеку-производителю интересно, что он издал в своей жизни“. Он направил даже письмо редактору с просьбой „пропустить“ книгу вне очереди, но, к сожалению, мы не успели.

Люди по-разному относились к самодеятельному художнику – от полного неприятия до восторженного почитания. Особенно ясно я ощутила это во время встреч с теми, кто с ним общался. Впрочем, вряд ли бывает иначе с подобными ему „фигурами-образами“!

Известно, что истина кроется там, где крайности сходятся. Эту самую истину почти два года искала я, работая с селивановскими дневниками, которые писал он в основном в последнее десятилетие жизни. В работе над книгой со всей искренностью помогали мне педагог Ивана Егоровича заслуженный работник культуры Ю. Г. Аксенов, автор фотосъемки В. П. Карев, кемеровская журналистка М. М. Кушникова, заместитель редактора газеты „Кузбасс“ Ю. В. Дьяконов, фотокорреспондент газеты „Шахтерская правда“ А. С. Равилов, прокопьевские художники Г. В. Стаценко и В. И. Самошкин, художник книги Е. Д. Ковалева, редактор книги В. Н. Аксенов и художественный редактор К. Г. Фадин.

Всем им я искренне благодарна.

Нина Катаева